

«ЛЮБОВЬ НЕ ЗНАЕТ ВОЗРАСТА,
ДЛЯ НЕЕ НЕТ ПРЕГРАД»

Созвездие рыб в сливочном соусе

ЖАННА КОРСУНСКАЯ

Жанна Корсунская
Созвездие рыб в
сливочном соусе
Серия «Любовь случается.
Семейные истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154876
Ж. Корсунская. Созвездие рыб в сливочном соусе: Эксмо;
ISBN 978-5-04-156846-7

Аннотация

Что может быть общего у взрослой женщины, ограниченной рамками социума, и молодого плеейбоя, живущего на берегу моря? Наверное, ничего, но одна случайная встреча навсегда меняет жизнь Версавии. Уже не юная, но по уши влюбленная женщина понимает, что рядом с молодым Разом ее жизнь заиграла новыми красками. Вот только взаимны ли эти чувства?

Содержание

Круг Первый. «Встреча»	5
Круг Второй	20
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Жанна Корсунская

Созвездие рыб в сливочном соусе

Жанна Корсунская

* * *

Круг Первый. «Встреча»

В сорок девять лет я безумно влюбилась в совершенно необыкновенного мужчину. Он жил на берегу моря и зарабатывал на жизнь тем, что нырял в лагуны за дорожными рыбинами, а потом продавал их рыбному ресторану, а иногда работал матросом на прогулочных кораблях.

Его звали Раз, что в переводе с иврита означает тайна. Конечно, странно называть мужчину Тайной, однако это обычное израильское имя. Как, например, Петр в России. И вряд ли кто-то задумывается, что в переводе с греческого оно означает камень. Так что, когда мужчина представился мне, я услышала лишь знакомое сочетание звуков. И, конечно, сразу само собой добавилось: Раз... два, три, хи-хи-хи.

Так это и было: он поставил на столик чашечку с кофе, подал мне руку и произнес:

– Раз.

– Вирсавия, – ответила я.

Это произошло на корабле. Корабль арендовало учреждение, где я работаю. Арендовало для *«наслаждения сотрудников забываемой морской прогулкой»*. Именно так было написано в красочном буклете с программой трехдневного корпоративного отдыха в Эйлате. Не знаю, помнят ли до сих

пор эту морскую прогулку остальные сотрудники, но для меня она действительно стала незабываемой. Неужели я буду помнить ее всегда?! С точки зрения моей персоны, составитель буклета прямо как в воду смотрел! Даже точнее: в морскую воду... Раз-два-три! Хи-хи-хи!

На корабле Раз выполнял должность матроса. Обжаривал котлеты на железной решетке, устанавливал надувную горку для моих коллег, которые желали порезвиться в море возле корабля, а в конце прогулки ловко забросил канат на металлический столб для швартовки, когда мы причаливали к берегу. Хотя в тот момент мой берег остался глубоко в море, в том месте, где мы проплывали риф дельфинов.

Это произошло в середине путешествия. Капитан корабля объявил в рупор, что слева по борту приближается риф дельфинов. Все ринулись на левую палубу. А я как раз находилась там. Услышав сообщение капитана, я всеми силами всматривалась в морскую даль, надеясь увидеть настоящего дельфина. И вдруг ощутила волну электричества. Точнее, словно внутренний удар. Будто что-то магическое произошло внутри спины вдоль позвоночника. Мистический удар в спине заставил меня обернуться, и я увидела Раза. Он стоял сзади и счастливо улыбался, глядя мне в глаза. В эту секунду меня осенило, что он моя вторая половина! Вот она, моя вторая половина! Нашелся наконец-то! Надо же такое! Прожить полжизни в поисках и все-таки найти!

Из множества обещанных в буклете дельфинов появился

только один. Да и то где-то далеко. Разочарованные участники морской прогулки разбрелись по палубам. А я парила в облаках! Моя вторая половина сверкала лучезарной улыбкой. Я смотрела на него и отчетливо понимала, почему мне было так нелегко жить все эти годы.

Раз написал на листочке номер своего телефона, чтобы я позвонила ему вечером после того, как приму участие во всех обязательных корпоративных мероприятиях. В тот момент я даже представить себе не могла, сколько самых невероятных приключений со мной произойдет благодаря этому волшебному номеру на листочке – счету за кофе!

Поздно вечером, когда закончилось последнее корпоративное мероприятие – праздничный ужин вокруг бассейна отеля «Царица Савская», я впервые набрала заветный номер телефона, и Раз примчался за мной на своей машине. Хотя, если честно, на такой машине вряд ли можно было примчаться. Моя вторая половина извинился, что машина старая, и добавил загадочное объяснение: «Она до сих пор движется исключительно благодаря моей любви к ней».

Устроившись рядом с Разом, я тоже ощутила приятные чувства к его машине. Она была просторная и ухоженная. Как и дом Раза, в который мы вошли через десять минут. В доме царил идеальный порядок. Позже я узнала, что Раз хорошо рисует и умеет делать абсолютно все. И все делает сам. Готовит, убирает, стирает, печет хлеб, выращивает цветы и моет полы, разливая море воды и ловко собирая ее шваброй.

Точно как моют палубу.

Увидев потрясающую, свободную, романтическую жизнь моей второй половины, я осознала, в какой тесной клетке томилась моя первая половина долгие годы! Это заставило меня немедленно открыть ему правду, и я сообщила, что мы наконец-то нашли друг друга! И теперь должны навсегда соединиться с помощью ритуала бракосочетания!

В момент моего признания мы стояли на кухне. Двери ее были открыты на просторную веранду. И мои слова, улетая в темно-синее небо, закружились в сверкающей белизне плетеных кресел и ярких бутонах белых роз. Все вокруг струилось теплым морским бризом и любовью моей второй половины.

Рыжий кот сидел на краю раковины и пил воду прямо из крана, аккуратно придерживая его лапой. А вокруг нас вальяжно расхаживали еще три кота разных мастей. Они то появлялись в доме, то исчезали на веранде или еще где-то. В ответ на мой вопрос, почему они шастают где попало, Раз объяснил, что коты свободны, как и он.

Я очень волновалась, видя наяву человека, о котором мечтала всю жизнь. Ведь этот мужчина, только познакомившись со мной, сразу пригласил меня в свой дом и приготовил для меня вкусный ужин. Вся кухня была окутана соблазнительными запахами средиземноморских пряностей. Конечно, они могли бы быть безумно соблазнительными, если бы не праздничный ужин, которым меня и всех моих коллег

по учреждению насытили в пятизвездочной гостинице. Собственно еда, приготовленная Разом, вообще не интересовала меня в тот момент. Меня захватывали мысли о возлюбленном. Он с первой секунды нашей встречи непрестанно заботится обо мне! И это еще больше убеждало, что необыкновенный, потрясающий мужчина действительно моя вторая половина.

– Наконец-то я нашла тебя! – счастливо повторяла я, глядя на Раза глазами, полными восторга и благодарности.

Он улыбался и ничего не отвечал. Просто нежно смотрел в мои глаза и вдруг обнял! Как здорово, что он сделал это, потому что я сама бы не решилась! Внутри меня тут же взорвался вулкан благодарности! Его жгучая лава растопила все ледники мира! Все деревья на планете зацвели душистыми цветами. Все реки переполнились водой и вышли из берегов, и все океаны соединили свои воды в могущественный водоворот.

Слезы счастья текли из моих глаз, когда я подняла их на Раза. Он бережно взял за меня руку, вывел на веранду и сообщил, что ужин готов. А спустя несколько мгновений вынес поднос с запеченными рыбами. Рыбы лежали, как на картинках с созвездиями зодиака: хвост первой к голове второй. Это выглядело словно таинственный магический круг. И было так же аппетитно, как и завораживающе. Однако самое невероятное заключалось в том, что перед моим взором предстал не просто знак зодиака, а тот единственный, кото-

рым я сама являюсь! Мой день рождения в марте, и рыбы всегда были моим талисманом! Магическое блюдо, приготовленное для меня Разом, хотя он не имел понятия, в каком месяце я родилась, окончательно убедило меня, что передо мной мой суженый. И я тут же спросила его, узнал ли он во мне свою вторую половину. Раз ответил отрицательно. Немного помедлил и добавил, убежденно глядя мне в глаза: – Чтобы я узнал тебя, ты должна узнать себя.

Я совершенно не поняла, о чем он говорит. Мысли нахлынули волной возмущения. Что это значит: я должна узнать себя? Как можно узнать себя? Я прекрасно знаю себя!

Идиллия рыбин на противне вдруг превратилась в большие гонки! Мне стало казаться, что каждая из них желает проглотить противоположную и пытается начать заглатывание с хвоста. Рыбы гонялись за хвостами, образуя кошмарный круговорот в полном соответствии с моими мыслями: «Как можно себя не знать? Я отлично знаю себя! Только сумасшедший не знает себя! Что он имеет в виду, когда говорит, я должна узнать себя?!»

Горячий ветер, стремящийся от сиреневых гор к Красному морю, нежно касался моих пылающих щек. Мерцали свечи. Тихая таинственная музыка наполняла вазы из голубого стекла, стоящие неподалеку от плетеных кресел, где мы с Разом ужинали мистическими рыбинами. Все это постепенно действовало на меня успокаивающе.

Конечно, если бы не мистический удар, который я ощути-

ла на палубе, когда все ожидали появления дельфинов, я бы ни за что не поверила, что Раз действительно моя вторая половина! Так он был волшебен, бесконечно волшебен и великолепен! Но этот удар – словно волна электричества, которая прошла по позвоночнику и заставила обернуться назад и увидеть Раза, стоящего сзади меня, – этот удар действительно был, ведь я почувствовала его!

На корабле мы не много разговаривали, потому что столлик, который я облюбовала в самом начале морской прогулки, совершенно не предполагая о встрече с Разом, находился на нижней палубе рядом с мангалом, где моя вторая половина жарил котлеты. «Какое счастье, что ему уже сорок два года, и он до сих пор не женат», – подумала я, вспомнив наш разговор.

– Ты был женат прежде? – спросила я, следуя этой мысли.

– Нет, – ответил Раз, – у меня была любимая женщина. Мы прожили вместе семь лет, но два года назад она вернулась домой, во Францию.

– Значит, ты еще не встретил свою вторую половину? – радостно воскликнула я.

И приготовилась услышать, что это произошло с ним несколько часов назад на корабле. В тот момент мне показалось, что он уже узнал меня!

– Нет, – ответил Раз.

Я рассказала ему об ударе током. И о своем совершенно реальном ощущении, что он – мой суженый и мы очень ско-

ро поженимся. Раз слушал меня с глубоким вниманием, улыбался и молчал.

Мы поужинали на его потрясающей веранде, при свечах, и моя вторая половина предложил мне вернуться в гостиницу к моим коллегам по учреждению.

Через несколько мгновений эта история продолжится. Обещаю.

И это тот редкий случай, когда я даю обещание, и еще более редкий, что выполняю его. Непременно выполняю, потому что выполнение больше не зависит от моего обещания. Просто книга закончена. А сегодня я приехала в Эйлат, чтобы еще раз охватить ее всю единым взором. Приехала спустя восемь лет после встречи с мужчиной, под влиянием которого произошла моя трансформация, и мне открылись самые таинственные секреты человеческого бытия. И один из них тот, что давать обещания – это очень опасная игра. А требовать их выполнения вообще игра на уничтожение. Хочешь держать кого-то в рабстве – возьми с него обещание. Супердейственный психологический шантаж. Это точно так же касается и себя самого. Себя самого особенно. Достаточно подумать над этим минут десять, и сразу станет ясно. Хотя у кого есть десять минут жизни думать про корень обещаний? Устремиться к самой глубине их происхождения, существования и сумасшествия. А я взяла и подумала над этим, и над тем, и над следующим... Так и

родилась эта книга. Только я никак не могу с ней расстаться. Слишком велико наслаждение быть в ней.

Несколько дней назад что-то позвало меня в Эйлат. Какое-то ощущение... потребность расстаться с книгой там, где она началась вот так же в сентябре, только восемь лет назад. Я последовала за ощущением и теперь с полудня до заката смотрю на синее море, сиреневые горы и желтые лодки. Лодки покачиваются у берега, а книга уплывает в свою прекрасную жизнь. И я наслаждаюсь чудесным образом Вирсавии. Сейчас почти невозможно поверить, что она была такой в возрасте сорока девяти лет. Такой наивной, доверчивой, открытой, словно маленькая девочка. Но это правда. Это правдивый образ. Мне вспоминается один случай. Он произошел вскоре после знаменательной встречи в Эйлате. Ко мне в Иерусалим приехали гости с семилетним мальчиком. Я с ним поиграла немного, и вдруг мальчик взглянул на меня и в сердцах произнес: «Тетя, вы такая глупая и смешная!»

Что еще сказать важного перед тем, как открыть широко руки и благословить книгу, отправляя ее в прекрасный неизведанный путь?! Обожаю писать от первого лица. Только так возможно полное отождествление с героиней романа, которой больше уже нет и не будет никогда. Как нет и не будет никогда никого из нас в точности такими, какими мы были восемь лет назад.

К коллегам по учреждению я вернулась в десять часов утра. Это был последний рубеж: в десять утра в лекционном зале гостиницы все сотрудники должны были присутствовать на лекции. Она тоже фигурировала в красочном буклете корпоративного отдыха в Эйлате под заголовком: «Ярон Шифт – покоритель Эвереста. Сила желания: детская мечта превращается в профессию на всю жизнь».

Когда я зафиксировала подписью присутствие на лекции собственной персоны и влетела в зал, мои коллеги хлопали скалолазу, появившемуся на сцене. Подпись являлась самым главным. Она неопровержимо свидетельствовала, что сотрудник не пренебрег мероприятием корпоративного семинара. Я успела расписаться и влететь в зал! Эта удача так вдохновила меня, что я хлопала покорителю Эвереста громче всех.

Когда аплодисменты стихли, я озадачилась вопросом, где мне лучше всего насладиться *«детской мечтой, ставшей профессией на всю жизнь»*, а проще говоря, сладко вздремнуть. Первая ночь с моей второй половиной наполняла меня розовым туманом, от которого приятно клонило в сон. Во сне все повторялось вновь, только в обратном порядке и более медленно, что создавало особое блаженство вторичного проживания прожитого.

В уставе проведения корпоративных мероприятий не было пункта, запрещающего работнику спать во время лекции, и все же возможность такого развития событий – такого

ненормативного поведения вызывала во мне некоторую тревогу. И тут я заметила Зоара. Он сидел на последнем ряду, а слева от него было свободное место. С Зоаром мы давние друзья, на него можно положиться – в смысле даже тихонечко всхрапнуть. Он поймет и мягко разбудит, если появится такая необходимость.

На самом деле мое присутствие на лекции состоялось только благодаря Разу. На рассвете я наконец провалилась в сон. В девять утра моя вторая половина разбудил меня и пригласил к столу. Я приняла душ и вышла на веранду. Утром она сверкала волшебством не меньше, чем ночью. Воздух, небо, цветы, сиреневые горы, лазурное море... и завтрак! На этот раз еда, приготовленная Разом, захватила меня гораздо больше, чем мысли о том, как он трепетно заботится обо мне. На столе стояли два крупных пузатых бокала, наполненных разноцветными овощами и листьями салата. Сверху зеленые листья украшали нежные золотистые желтки. Раз перехватил мой восхищенный взгляд, улыбнулся и произнес:

– Это блюдо называется «Яйцо в бокале». Его подают на завтрак только в самых дорогих отелях.

– Как оно делается? – спросила я.

– Осторожно разбиваешь яйцо в кипящую воду, а через минуту достаешь его.

Я опустилась в нагретое солнцем плетеное кресло и тончайшие ароматы крепкого кофе, горячих французских булочек, мелких лепестков медуницы в миниатюрной вазочке

и солоноватого морского ветерка окутали меня кружевными волнами бесконечного счастья...

Лектор-скалолаз оказался мужчиной лет шестидесяти пяти. Теперь он больше не занимался скалолазанием, а давал лекции о том, как это было. Его рассказ начался с того, как маленьким мальчиком он мечтал уехать из дома в дальние страны и покорять вершины самых высоких гор на земном шаре, а когда вырос и закончил службу в армии, поехал в Швейцарию, оплатил курс скалолазания и пять лет безвылазно лазил. Я внутренне посмеялась над своим удачным каламбуром и вдруг обнаружила, что желание узнать причину, заставлявшую этого человека десятки лет лазить по горам, превзошло желание спать.

Однако Ярон Шифт не спешил открывать причину. Прежде всего он открыл моим коллегам странный факт, что каждый раз, когда возгорался мыслью покорить очередную горную вершину, сначала отправлялся в крупные торговые фирмы. Я не могла увидеть связи между столь разными вещами, как торговые компании и покорение Эвереста. Однако Зоар объяснил мне, что таким образом Ярон Шифт находил финансирование для своего «высокогорного желания» в виде рекламы этой самой торговой компании на этой самой горной вершине.

Я не могла понять, для чего торговой фирме реклама ее товара на какой-то голой вершине, где кроме скалолаза и четырех-пяти его напарников нет никаких людей. Но торговые

фирмы, очевидно, думали с помощью другой логики, отличной от моей, и быстро покупались на предложения скалолаза.

– Не заикливайся на скалах, – предложил мне Зоар, – лучше обрати внимание на его суперталант дельца-предпринимателя.

С первых минут лекции ощущалось, что жизнерадостное заглавие в буклете «Детская мечта превращается в профессию на всю жизнь» резко расходится с действительностью. Скалолаз явно не выглядел счастливым. Уже в первой трети лекции он показал видео самого себя, тридцати лет: молодой парень сидит на вершине и по-настоящему рыдает горючими слезами, требуя от кого-то в небе ответить на его горькие вопросы: зачем ему все это нужно и почему он каждый раз карабкается и карабкается по скалам, хотя на самом деле хочет быть дома с женой и маленьким сыном. Потом скалолаз отчаянно заорал в небо, что это последняя вершина в его жизни и больше он ни за что никуда не полезет. Когда видео исчезло, Ярон Шифт произнес трагическим голосом: «Следующей моей вершиной стал Эверест».

Для финансирования Эвереста наш лектор договорился о рекламе с ведущей израильской газетой.

– Очень важно, что мне заплатили до начала восхождения, – еще более трагичным голосом произнес он, – потому что конец восхождения был неизвестен.

Дальше шел видеоряд совсем уже трагических рассказов

о скалолазах, которые погибли в снежных лавинах, так и не покорив Эверест. И сразу же после этого видеофрагменты, где наш лектор карабкается по заснеженным склонам в ботинках с железными крюками. Их несколько раз показывали крупным планом, и они как-то прочно засели в памяти.

– Их изготовила самая крутая фирма по производству снаряжения и обуви для скалолазания, – объяснил мне Зоар через несколько дней, когда я посетовала ему, что до сих пор, вспоминая покорителя Эвереста, вижу эти «чертовы крюки на ботинках».

Фото скалолаза на вершине Эвереста было уже совершенно удручающим. Просто сидит грустный человек в снегу. И все. И больше ничего.

– Может, он там и не был вовсе? – бросила я Зоару. – У меня есть точно такое же фото на вершине холма, возле Иерусалима, когда у нас два года назад шел снег. Только я там веселая.

– В Израиле сложно сочинять, страна маленькая. Все легко проверить. Проблема в другом, слышишь, что Ярон Шифт говорит о своих ощущениях на вершине Эвереста?

Да, я слышала. Сидя на вершине Эвереста, ее покоритель думал, что это самая высокая вершина на всем земном шаре, и, следовательно, больше ему достигать нечего! И еще наш лектор думал о том, что ни за что не согласится залезать сюда снова. Монолог на вершине Эвереста прозвучал особенно прозаично: «Мы посидели там двадцать минут и сразу нача-

ли спускаться. Нужно было успеть в лагерь до захода солнца».

Лекция закончилась картинами двухэтажного бревенчатого коттеджа в лесу на берегу девственного серебристого озера, окруженного высокими голубыми горами. Ярон Шифт сообщил, что вся эта земля принадлежит индийскому племени, а он купил у них небольшую часть. Потом появилось фото водного самолета – единственного транспортного средства, на котором можно добраться до коттеджа покорителя Эвереста, построенного им на куске земли, купленной у индейцев.

– Ты понял, зачем он всю жизнь лазил по горам? – спросила я у Зоара.

– Нет, не понял, – ответил тот.

Я решительно направилась к сцене, чтобы задать свой вопрос нашему лектору, но, приблизившись к нему, ощутила в его глазах такой холод, словно скалолаз действительно не успел вернуться в лагерь до захода солнца и навсегда застрял на вершине Эвереста. Вопросать к ледяной глыбе я не решилась, поэтому мой вопрос остался без ответа.

Круг Второй

Три дня в Эйлате пронеслись стремительным полетом стрижа. Утром четвертого дня вместе с другими коллегами по учреждению я села в автобус и через пять часов вернулась домой в Иерусалим.

Много лет я живу в центре города, снимаю квартиру, а мою, в другом районе – сдаю. К счастью, потребность сдать квартиру встала передо мной сразу после возвращения из Эйлата. К счастью, потому что на несколько дней мысли и волнения о Разе были частично вытеснены мыслями и волнениями о поиске новых жильцов. Конечно, я опубликовала объявления на соответствующих сайтах и по старинке, на всякий случай, развесила объявления на автобусных остановках. Однако квартира пустовала уже целую неделю, и этот факт вызывал во мне панику. Поэтому неожиданное предложение моего религиозного приятеля очень обрадовало меня. Надежда вспыхнула в тот момент, когда он убежденно произнес: «Хочешь быстро сдать квартиру – сделай в ней семь кругов с молитвой «Воскурение благовоний в Храме». И объяснил, что это необычная молитва, содержащая описание заповеди воскурения особого набора благовонных трав и веществ, исполнение которой совершалось каждое утро и каждый вечер в период существования Первого и Второго еврейских Храмов.

Когда сдаешь квартиру и снимаешь другую, используя деньги от съема на аренду, – любые средства хороши. И что трудного прочесть семь раз одну молитву? Я решила немедленно воспользоваться этим необычным способом.

Приятеля звали Давид. Он жил по соседству. Мы часто встречались с ним по ночам в маленьком магазинчике, покупая сигареты. Так произошло и на этот раз. Давид предложил мне посидеть под деревом возле магазина. Там всегда стояли столик и два стула. Он хотел, чтобы я послушала его новую песню. Я немного смутилась. Его песни почему-то приводили меня в панику, однако обидеть Давида отказом не хотелось.

– Ты спешишь? – спросил музыкант, заметив мою нерешительность.

Он был очень чутким.

– Нет, – твердо ответила я, решив, что святое желание Маэстро поделиться своим новым творением невозможно сравнить с моим мелочным паникерством, – пойдем!

Как только мы уселись, Давид достал из чехла гитару, заиграл свою новую мелодию и запел. А я, как всегда, сразу почувствовала панику. У Давида свой индивидуальный стиль, поэтому все его песни похожи одна на другую и вызывают во мне одну и ту же панику. Паника увеличивалась с каждой секундой, подогреваемая мыслью, что, когда исполнение закончится, он спросит: «Ну, как?»

– Ну как? – вдруг спросил Давид.

Его вопрос прозвучал неожиданно, потому что я не почувствовала завершения песни. «Может, его и не было», – подумала и ответила первое, что пришло в голову:

– Мощно.

– Я написал эту песню в честь Праздника Любви, – удовлетворенно сообщил он.

– Какого Праздника Любви? – ошеломленно спросила я, потому что сразу вспомнила о Разе.

– Праздника, когда женщины возносят молитвы Всевышнему с просьбами выйти замуж за свою вторую половину, – ответил Давид, явно удивленный, что я, будучи еврейской женщиной, не знаю о таком важном религиозном празднике, и добавил: – В древние времена в этот день дочери Иерусалима одалживали одна у другой белые одежды, чтобы и бедные девушки могли принять участие в этом обряде. Надев белые одежды, девушки всю ночь пели и водили хоромы в виноградниках, чтобы найти женихов.

Мой религиозный приятель произнес это таким тоном, словно все происходило не в древние времена, а вчера ночью, и сам он тоже переоделся в белые одежды и пел песни в виноградниках вместе с девушками, желающими выйти замуж за свою вторую половину. Затем Давид так же убежденно, как и о молитве «Воскурения благовоний в Храме», сообщил, что, если ровно через пять дней в ночь, когда наступает Праздник Любви, попасть на Украину к Рабби Нахману и возле надгробия попросить праведника, чтобы благодаря

его заслугам Всевышний дал мужа, то желание обязательно сбудется.

Это прозвучало для меня как пророчество, потому что, вернувшись из Эйлата, я только и думала, как же мне соединиться с моей второй половиной, оставшейся там! И что предпринять, чтобы он женился на мне.

– Ты гений, – прошептала я.

– Я знаю, Вирсавия, – убежденно ответил он, – только гений может принимать от Создателя такую прекрасную музыку и такие гениальные слова.

И снова стал играть на гитаре и петь свою новую песню. Но теперь я его почти не слышала, потому что в голове бился вопрос: «Как же можно попасть к этому загадочному Рабби Нахману?!» Хотя паника во мне присутствовала, на этот раз я не понимала, что ее вызывает: песня Давида или мой вопрос. Не в силах вынести высоковольтного накала волнения, я прервала Маэстро и отчаянно произнесла:

– Но как же я могу попасть туда через пять дней?!

– Жена Рабби Йосефа, раббанит Двора, каждый год отправляется с женской группой в Умань, чтобы провести там Праздник Любви.

С каббалистом Рабби Йосефом Давид познакомил меня год назад, когда я поделилась с ним своим желанием взять израильское библейское имя. Я с наслаждением вспомнила, как волшебным это было!

В тот незабываемый день Давид привел меня к высокой

синагоге из розового иерусалимского камня, построенной знаменитым каббалистом в стиле древнего еврейского Храма. Рабби Йосеф только что закончил вечернюю молитву и сопровождаемый многочисленными учениками вышел в оживленный двор синагоги. Маэстро был настоящим фанатом Рабби Йосефа и часто посещал его уроки. Он и подвел меня к раввину, объяснив ему, что я хочу взять себе библейское имя.

Рабби Йосеф оказался немного косоглазым. Он взглянул на меня, и я тут же ощутила головокружение. Невозможно определить истинную причину этого странного эффекта от взгляда каббалиста. У меня врожденный нистагм, поэтому глаза совершают, говоря научным языком, произвольные колебательные движения высокой частоты. А Давид случайно подвел меня к каббалисту с той стороны, где мой нистагм проявляется очень сильно, то есть, проще говоря, мне кажется, что все, на что я смотрю, дрожит и скачет. Таким образом, мой нистагм вкупе с косоглазием раввина мог создать столь приятный эффект ощущения головокружения от взгляда мистика, который был избран Высшими Силами дать мне мое новое имя!

Самое удивительное, что, заглянув мне в глаза, Рабби Йосеф сразу отвел их в сторону. Наверное, он тоже почувствовал головокружение. И вот, находясь в таком блаженном состоянии, раввин попросил меня назвать три имени, которые мне кажутся подходящими.

Честно говоря, я очень удивилась, когда Давид втащил меня в толпу учеников, чтобы получить имя. Я ведь предполагала, что Рабби Йосеф назначит личную встречу со мной. Мы познакомимся и будем обсуждать мою жизнь, чтобы найти мне подходящее имя. Целую неделю я серьезно готовилась к этому знаменательному событию. Изучала истории женщин из Библии, анализировала их судьбы и поступки, хотя так и не выбрала имя, колеблясь между тремя вариантами. Просьба раввина назвать три имени значительно усилила мое головокружение, ведь, произнося свою просьбу, он не знал о том, что у меня как раз есть именно три варианта! Кроме того, теперь мне не требовалось мучительно выбирать одно из имен! Я поняла, что выбор сделает за меня каббалист! И четко произнесла те самые три женских имени, которые мне не то чтобы очень нравились, скорее казались достойными. Рабби Йосеф слушал и смотрел в даль. Когда я замолчала, он вознес свою ладонь в синее звездное небо и провозгласил:

– Еще.

И тогда я вдруг неожиданно для себя произнесла:

– Вирсавия...

Я совсем не думала об этом имени и до сих пор не могу объяснить, откуда оно вдруг пришло ко мне, кроме как из головокружения. Итак, я произнесла:

– Вирсавия...

– Вирсавия – это и есть твое имя, – мгновенно отозвал-

ся Рабби Йосеф, освятив меня улыбкой, и сразу направился дальше, окруженный своими учениками.

А я тут же влюбилась в свое новое имя и не могла понять, как оно прошло мимо меня, когда я изучала женские библейские истории. Еще бы! Ведь оно воплотило в себе все мои амбиции! Вирсавия – непревзойденная женщина в древней еврейской истории. И не только еврейской, а даже всемирной. Она покруче Клеопатры, потому что достигла всех своих целей, воплотила все свои желания и потом умерла своей естественной смертью. Первым делом Вирсавия свела с ума самого влиятельного и престижного из еврейских царей – царя Давида. И как просто – принимала ванну на крыше своего дома, расположенного рядом с его дворцом. Затем стала царицей. Правда, к тому времени у царя Давида было уже шесть жен, и Вирсавия стала седьмой женой. К тому же у него было шесть детей мужского пола, то есть шесть претендентов на его трон. Так что усадить на престол свое тринадцатилетнее чадо было для Вирсавии задачей не из легких. Однако эта женщина виртуозно справилась! О чем свидетельствует библейское повествование о восхождении на трон сына Вирсавии и Давида – самого мудрого человека на земле – царя Соломона.

Воспоминания о встрече с раввином Йосефом пронеслись в голове мистическим сиреневым туманом. Тем временем Маэстро, сообщив о группе женщин, которая отправляется в Умань к Рабби Нахману, тут же достал сотовый, чтобы по-

звонить раббанит Дворе.

– Ты что! Уже половина двенадцатого ночи! – испугалась я. – Она же спит!

– Вряд ли, – отозвался Давид и набрал номер.

К моему глубокому удивлению, раббанит быстро ответила на звонок, сообщив Давиду, что пять минут назад одна женщина отменила свою поездку, потому что в десять вечера ее отец скончался. Давид передал мне телефон, и я услышала строгий голос Дворы:

– Здравствуй, Вирсавия. Мы вылетаем в Киев завтра в одиннадцать часов ночи.

В иврите нет обращения на «вы». Это создает ощущение, что общаются члены одной семьи. Разномастной, порой немного сумасшедшей, но все-таки семьи. Вот и теперь, хотя я впервые услышала раббанит Двору, у меня сразу появилось ощущение, что я знаю эту женщину с самого рождения, как если бы она была моей тетей.

– Ты должна приехать в аэропорт в восемь вечера. Я буду возле третьего входа. Твоя кредитная карточка с тобой?

– Да, – нерешительно ответила я.

– Тогда мы сейчас же произведем оплату поездки.

– Давид сказал, что Праздник Любви будет через пять дней, а вы вылетаете завтра...

– У нас насыщенная программа. Мы посетим Рабби Нахмана и еще двух праведников в Бреслеве и в Метжибоже.

– Но мне нужно получить разрешение моего начальника

взять пятидневный отпуск.

– Можешь быть уверена, твой начальник даст тебе разрешение, – безапелляционно заявила раббанит и грозно добавила: – Люди наивно думают, что едут к Рабби Нахману по собственному желанию, но в действительности человек может попасть к нему, только если сам праведник захочет этого. А когда Рабби Нахман приглашает, он же все и устраивает. И не как человек!

– А как кто? – спросила я.

– Как Господь, – ответила раббанит.

– Значит, он умертвил отца той женщины, потому что решил пригласить меня вместо нее? – опешила я.

– Пути Господни неисповедимы, – ответила раббанит, – одно знаю точно из многолетнего опыта: твой звонок через пять минут после ее сообщения о смерти отца – это не случайность. И послезавтра ты будешь стоять возле надгробия Рабби Нахмана. Начальнику скажи правду, что ты едешь к праведнику просить мужа в День Любви.

И я продиктовала ей данные моей кредитной карточки под песню Давида, написанную им в честь Праздника Любви, которую он снова вдохновенно запел, радуясь моему предстоящему счастью. А я опять испытывала жуткую панику то ли от его песни, то ли от того, что отдаю тысячу долларов за поездку, о которой всего полчаса назад даже понятия не имела, да и сейчас не понимала по-настоящему, куда еду.

Однако Двора была права, и утром я действительно мгنو-

венно получила разрешение взять отпуск. Я поступила в точности как она сказала, сообщила начальнику эту сущую нелепость: куда, с кем и зачем еду, и он тут же ответил:

– В добрый час, Вирсавия. Отправляйся и выполняй все, что тебе скажет раббанит Двора. Буду очень рад погулять на твоей свадьбе, – и вдруг добавил: – Иди домой. Тебе нужно подготовиться к поездке.

Так у меня неожиданно появились четыре свободных часа, и я решила навестить сына. Он с друзьями снимал дом недалеко от моего. И обязательно заехать в свою пустую квартиру, которую сдавала в аренду, чтобы совершить в ней семь кругов, семь раз читая молитву «О воскурении благовоний в Храме». В точности как объяснил Давид.

А через двенадцать часов я впервые очутилась в Умане, в гостях у Рабби Нахмана – в мистическом месте, которое даже представить себе никогда не смогла бы! Днями и ночами напролет женщины во главе с раббанит Дворой выделявали там совершенно сумасшедшие вещи! Эти вещи выглядели для меня еще притягательнее от того, с каким неистовым восторгом они выполнялись. Я подумала, что мое точнейшее подражание действиям жены знаменитого иерусалимского каббалиста немедленно приведет к исполнению моего желания, и тогда Раз сразу женится на мне, и тут же дала себе твердое обещание делать все, что делает Двора.

Конечно, я, как любой нормальный человек, быстро забываю о данных себе обещаниях, или они мне надоедают, по-

этому я уже раз двадцать давала себе обещание бросить курить, и ничего из этого не вышло. Однако я обнаружила надежды, что в тот самый момент, когда что-то обещаю себе, я всегда правдива и всей душой верю, что выполню обещание. Мне невероятно повезло, что, когда я пообещала себе делать все в точности как раббанит, она как раз улеглась на надгробие праведника Рабби Натана, ученика Рабби Нахмана. Чтобы посетить его, мы отправились из Умани в Бреслев, поднялись на вершину живописного холма и вошли в каменный дом, построенный на месте упокоения праведника.

Когда мы вошли в каменный дом, Двора объяснила нам, какие молитвы прочесть, и вдруг улеглась на надгробие, как на собственную кровать. Надгробный камень был плоским, сантиметров тридцать высотой. А по размерам примерно соответствовал односпальной кровати. Раббанит легла на живот, вытянула усталые ноги, опустила голову на руки, уткнувшись лицом в импровизированную из рук подушку, и что-то зашептала.

До этого я удивленно наблюдала, как предыдущей ночью Двора спала возле надгробия Рабби Нахмана. Оно высокое и покатое, так что лечь на него невозможно, поэтому раббанит устроилась рядом, прижавшись затылком к основанию надгробия. Постелила на каменный пол синагоги небольшой матрас, завернулась в одеяло и крепко уснула. Потом я прочла, что это древний каббалистический ритуал, помогающий соединиться с душой праведника.

Мне действительно очень повезло, что я дала себе твердое обещание старательно выполнять то, что делает раббанит, за несколько минут до того, как она совершила такое сумасшествие, на мой взгляд, как возлежание на гробовом камне. Поэтому, когда Двора встала, я тут же последовала ее примеру и уверенно улеглась в точности как она.

Мы ехали из Умани в Бреслев пять часов по жуткой ухабистой дороге. Я очень устала, к тому же два предыдущих дня постоянно недосыпала, стремясь выполнять многочисленные молитвы и ритуалы, проводимые раббанит. Вдобавок ко всему в тот день стояла жуткая жара, так что растянуться вдруг на прохладном гладком камне оказалось очень душевно! Я в точности как Двора опустила голову на руки и зашептала праведнику:

– Дорогой Рабби Натан, у вас такая приятная удобная могила, просто потрясающая! Спасибо вам, что вы меня принимаете, выслушиваете и уделяете мне ваше огромное внимание! Раббанит Двора рассказала мне, что у вас огромные заслуги перед Всевышним, так что Он обязательно примет ваше ходатайство за меня. Объясните, пожалуйста, Богу, что Раз мой суженый, и мы непременно должны пожениться в ближайшее время. Я очень люблю его. Пусть Всевышний откроет глаза Раза, чтобы он увидел во мне свою вторую половину и полюбил меня больше всех женщин, которые были в его жизни, больше, чем свое Красное море и локусов, и всех подводных обитателей. Попросите, пожалуйста, Все-

вышнего, чтобы Раз полюбил меня такой огромной любовью, которую он даже не может себе представить! Чтобы просто жить без меня не мог! Пусть жутко будет скучать по мне и желать только меня каждый день и каждую ночь всегда, всю жизнь! И пусть переедет жить ко мне в Иерусалим с радостью, потому что я занимаю престижную должность PR-менеджера в солидном учреждении и никак не могу переехать к нему в Эйлат. Попросите за меня Всевышнего, чтобы Раз отдал всех своих котов в хорошие руки и приехал ко мне жить один, спокойный и радостный, что его кошки остались у добрых заботливых людей. Пожалуйста, очень прошу вас, походатайствуйте за меня Всевышнему, чтобы мы с Разом поженились в ближайшее время, и чтобы он сразу нашел хорошую работу в Иерусалиме, которая будет ему по душе, и чтобы он получал большую зарплату, и чтобы мы с Разом жили счастливо и долго в большом красивом доме с бассейном, джакузи и сауной и...

Неожиданно я увидела рыжеволосого парня с рыжей бородой и рыжими пейсами. Он стоял напротив меня и улыбался. В Израиле рыжеволосые люди считаются гиперактивными, поэтому мне показалось благоразумным спросить его, к каким еврейским выходцам он относится, чтобы сразу узнать ментальную основу, на которой будет проявляться его гиперактивность в нашем предстоящем общении.

– Ты кто? – спросила я. – Перс, или марокканец, или русский, или грек, или грузин, или поляк, или румын?

– По израильским понятиям я украинец, – ответил парень, – потому что родился на Украине и прожил там всю жизнь до тридцати восьми лет.

– А потом репатриировался в Израиль?

– Потом эта рубашонка стала мне мала, – показал парень на всего себя, – и я ушел из тела.

– Ушел из тела... Куда ушел?

– Ушел в то, чем являлся изначально.

Я не поняла его последнюю фразу, но решила не вдаваться в подробности, когда даже общее не выглядело ясным, а просто подытожила:

– Значит, ты украинец-неформал. А как тебя зовут?

– Рабби Нахман, – ответил парень.

– Вот это да! – удивилась я. – Тот самый, который два часа лежал в муравейнике, чтобы научиться презирать страдания тела, несмотря на жуткую чесотку от укусов муравьев?

– Да.

– Зачем ты это делал?

– Чтобы возвысится над страданиями тела и Увидеть Бога.

– А о страдании муравьев ты не подумал, когда завалился в их дом своим здоровенным телом и разом умертвил тысячи членов их дружной семьи? Это же было для муравьев как гром среди ясного неба.

– В муравейнике как гром среди ясного неба мне впервые Открылся Всевышний. Я долго изнывал от укусов, не позволяя себе притронуться к местам зуда. Это было невы-

носимой пыткой. Тяжелее, чем голод и холод! И вдруг обратил внимание на одного муравья. Он копошился прямо перед моими глазами. Я стал наблюдать за ним и вскоре был потрясен, с каким усердием муравей выполняет свою работу. Его движения были грациозны, и вся конструкция его тела идеально соответствовала тому, чем он занимался.

Рыжий парень говорил экспрессивно. В его глазах выступили слезы, словно он смотрел на своего уникального муравья прямо сейчас. Это завораживало! Я почувствовала, что мне тоже хочется немедленно улечься в муравейнике, чтобы ощутить восхищение Рабби Нахмана. А он продолжал:

– В этот момент все страдания моего тела исчезли. Исчезло и само ощущение тела. Я весь превратился в блаженство и наблюдал творение Всевышнего! Так Он Открылся мне. Конечно, теперь, после всего пережитого и осознанного, я не стал бы ложиться в муравейник.

– Теперь тебе бы и не дали борцы за Зеленую планету.

– Борцы за Зеленую планету... Кто они?

– Просто люди со своими убеждениями. Такие же, каким был ты, когда сидел в ледяной проруби и голодал неделями от Шабата до Шабата, чтобы Увидеть Бога.

– Ты хорошо знакома с моей жизнью, будто сама ее прожила.

– Раббанит Двора просветила. Она рассказывала в микрофон, когда мы к тебе в Умань из Борисполя в автобусе три часа ехали. У меня воображение мгновенное, и я сразу

все это видела и чувствовала. А вот каким образом тебе Открылся Бог, Двора не рассказывала. Как это может быть, что ты смотришь на муравья, а видишь Бога?! – спросила я.

– Я знаю такие вещи и владею такими знаниями, что если бы начал понемногу открывать что-то из этих знаний... – начал Раби Нахман, и я сразу поняла, что он цитирует свое собственное вступление к его книге «Необыкновенные истории Рабби Нахмана».

Это вступление раббанит Двора повторяла нам несколько раз.

– Если бы я начал понемногу открывать что-то из этих знаний, – повторил праведник, – все люди бросили бы все свои занятия, чтобы слушать то, что я рассказываю, и были бы готовы забыть и о самих себе, и о своем существовании ради этой сладости познания, которая открывалась бы им.

– И даже забыли бы, что у них квартира на съем простаивает без новых жильцов? – спросила я.

– У тебя квартира на съем простаивает? – спросил Рабби Нахман.

– Да. Уже десять дней! – сокрушенно ответила я.

– Вирсавия, вставай, – неожиданно я услышала голос раббанит Дворы и поняла, что крепко уснула.

Сон на надгробном камне оказался очень сладким, просто упоительным! Только я никак не могла понять, почему на могильной плите Рабби Натана увидела не этого праведника, а его учителя Рабби Нахмана, и спросила об этом Двору.

– Рабби Натан обладал феноменальной памятью, – ответила раббанит, – он слушал все, что говорил Рабби Нахман, запоминал слово в слово, а потом записывал. Благодаря Рабби Натану учение Рабби Нахмана дошло до нас в целости и сохранности. Но несмотря на огромные способности, Рабби Натан был очень скромным человеком. Поэтому даже в твоём сне праведник уступил свое место Учителю, чтобы ты могла говорить именно с Ним.

«Железная логика», – подумала я, продолжая лежать на могильной плите.

– Вставай, – повторила свою просьбу раббанит, – у нас программа. Через два часа мы должны быть в Метжебоже у праведника Рабби Исраэля Владельца Хорошего Имени.

– Сколько я спала?

– Минут сорок, – ответила Двора и добавила: – Счастливая ты, Вирсавия.

– Почему?

– Потому что мне потребовалось тренироваться десять лет, чтобы вот так заснуть на могиле праведника, как ты сейчас заснула младенческим сном с первого раза мгновенно.

Вдохновленная столь загадочной похвалой раббанит, я тут же дала себе обещание всегда совершать возлежание на надгробных плитах всех еврейских праведников, которых мне предстоит посетить в своей жизни. И потом действительно много раз сдержала свое обещание, но не потому что дала, а потому что это оказалось увлекательнейшим приключением.

чением, каждый раз новым, необычным, с непредсказуемыми последствиями и в процессе возлежания, и потом, в процессе исполнения желаний сердца, которые я шептала праведникам на их надгробных плитах.

Из Метжибожа в Умань мы вернулись к вечеру за два часа до наступления Праздника Любви. Накрапывал теплый августовский дождь. Дождь из моего сибирского детства с пузырями в лужах! В Израиле дождей не было с конца апреля, и я здорово по ним соскучилась.

Смотрела, как барабанят струи по железному шкафу с множеством горящих свечей, зажженных в память о душе Рабби Нахмана. В соответствии с ритуалом каждый, вошедший в этот волшебный двор перед синагогой с надгробием праведника, прежде всего зажигал свечу.

Я вдыхала дождливый воздух. Словно вдыхала свое детство. Языки пламени ярко сверкали в ночной прохладе. Двор был наполнен множеством радостных женщин и девушек из Израиля, Америки, Канады, Англии. Они пели под гитару, танцевали под звуки тамтама и смеялись. А языки пламени свечей Рабби Нахмана танцевали вместе с ними. Это выглядело совершенно по-настоящему. Словно свечи были такими же живыми, как все люди во дворе! Мне очень захотелось спросить у раббанит Дворы, видит ли она тоже, что свечи живые. Я развернулась и пошла в сторону танцующих, надеясь, что она там среди женщин, и услышала кошачье мяуканье. Опустила глаза вниз. Черный кот выписывал восьмерки бес-

конечности вокруг моих ног. Кот явно кайфовал. Я чувствовала его наслаждение. У котов и кошек это всегда ярко выражено. Мне не хотелось «ломать кошачьего кайфа», и в то же время мной овладело невыносимое нетерпение войти в синагогу к Рабби Нахману, да и раббанит наверняка там! Волшебная ночь Праздника Любви наступила, и я была здесь! Теперь мне оставалось выполнить самую малость – попросить праведника походатайствовать за меня перед Всевышним о скорейшем замужестве с Разом – моей второй половиной!

Я развернулась в сторону дверей синагоги и сделала шаг. К моей величайшей радости, коту это никак не помешало! Он продолжал выписывать свои восьмерки вокруг моих ног, в точности как мартышка из моего детства по прозвищу Кикимора Моисеевна вокруг ног папиного друга, дяди Семы, когда он выступал с ней на манеже цирка. В репризе мартышка изображала тещу дяди Семы, поэтому он кричал ей: «Вот – вот она сущность тещи! Путаться под ногами! Ходить по пятам, как черная тень! Кикимора Моисеевна, почему моя особа превратилась для вас в предмет вашего главного интереса?! Займитесь лучше вашей дочерью! Ей-богу! Между ее ног происходят самые интереснейшие для вас события!»

– Благослови меня родить здорового крепкого сына! – вдруг услышала я женский голос на иврите, невольно повернулась в сторону, откуда раздался голос, и поняла, что обращаются ко мне.

На плоских камнях под окнами синагоги сидела совсем молоденькая беременная женщина. Я бы даже сказала – очень беременная. Большой живот уютно покоился на ее ногах, сложенных по-турецки. На вид беременной было не больше двадцати. Она улыбалась и курила, выпуская дым кольцами. Они поднимались над ее головой, образуя нимбы. Я заворожено уставилась на молочные светящиеся нимбы, плавающие над головой беременной.

– Здесь много женщин, почему ты выбрала меня? – удивленно спросила я ее.

– Я не выбирала, – ответила она, – мне Рабби Нахман сказал попросить твоего благословения.

После всего увиденного мной здесь столь странное заявление беременной о том, что мертвый праведник дает ей живые указания, невероятно вдохновило меня. Я поняла, что удостоилась особого расположения Рабби Нахмана, и теперь мое собственное желание немедленно сбудется! Приблизилась к беременной. Кот прекратил выписывать восьмерки и покойно свернулся возле моих ног.

До поездки к Рабби Нахману я понятия не имела о благословениях, но здесь это было привычным делом. Женщины благословляли друг дружку совершенно неожиданно, просто из внезапных побуждений своих сердец, как объяснила мне раббанит Двора.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Рахель дочь Леи, – ответила она, сообщив и свое имя, и

имя матери, как и требовалось для выполнения ритуала.

Я опустила ладони на ее светящиеся прохладные волосы. Теперь в отблесках света из окон синагоги светились мои руки. Это было очень красиво. Несколько секунд я наслаждалась своими руками, возложенными на голову Рахель. Потом закрыла глаза, плотно обхватила голову девушки и прижалась губами к ее волосам, шепча по-русски слова, которые рождались в этот момент: «Дорогой Всевышний! Пожалуйста, прости эту дуру набитую за то, что она сидит беременная на холодных камнях и курит! Она же не ведает, что творит! Прости ее, прошу Тебя! Она такая прекрасная, эта девчонка! Ты же Обожаешь ее! И Любуешься ею, как я! Я чувствую! Благословляю Рахель дочь Леи родить здорового крепкого мальчика!»

И вдруг перед моим взором предстал прекрасный лик моего сына. Моего единственного сына – истинную усладу моей души! Он сидел на деревянном табурете возле входа в дом и смотрел вдаль. Я ведь успела забежать к нему перед самым отъездом в аэропорт. В доме было много парней и девчонок. Каждые пять минут кто-то выбегал и просил сына о чем-нибудь: разбудить завтра в семь утра, прислать какую-то статью, или советовался о предстоящей встрече, поездке, учебном курсе. Он отвечал и потом снова смотрел вдаль. Мне казалось, что он смотрит в небо. Оно было розовым перед закатом солнца и отражалось в его русых кудрях, превращая их в медные.

Это неожиданное видение взорвало все мое существо! Словно солнце не ушло за холмы, а разлилось на всех нас потоками любви. И я неистово зашептала: «Благословляю Рахель дочь Леи родить сына, который будет усладой и радостью ее души долгие – долгие годы до последней минуты ее жизни! До ее последнего вздоха! Дорогой Всевышний, дай ей сына, который затопит ее сердце любовью ко всему мирозданию и принесет ей ответы на все ее вопросы! И станет она благодарить Тебя за каждый миг, который Ты Даришь ей проводить с сыном! Спасибо Тебе, Великий Могучий Мой Господи, Царь Вселенной! Я верю тебе! Верю, что Ты услышал мое благословение и принял его!»

И я снова увидела прекрасное лицо сына в тот момент, когда спросила его:

– На что ты смотришь?

И он тихо улыбнулся, и ответил:

– Мушкетеры танцуют.

– Где?

– Вон там, возле кроны дерева. Мушкетеры всегда танцуют перед закатом. Провождают солнце.

И в ту же секунду я увидела роящийся шар мушкет в прозрачном розоватом небе. Мушкетеры действительно танцевали!

Слезы счастья наполнили мои глаза и, наверное, упали на голову Рахель, потому что, когда я закончила благословение и взглянула на нее, девушка вытерла ладошками затылок и тут же пылко произнесла:

– Рабби Нахман – это сила! Еще никто никогда не благословлял меня так!

Потом подняла свитер и достала из-под него воздушный шар голубого цвета.

– Ты что, вообще не беременная?! – обомлела я.

– Ни капельки, – вздохнула Рахель, – я уже два года замужем, а забеременеть до сих пор не удалось!

– Значит, ты делаешь с этим шариком направленную визуализацию желаемого, – поняла я, подкованная раббанит Дворой, и процитировала слова из книги Рабби Нахмана, которые она часто повторяла: – Великая сила мысли открылась мне в этот момент!

– Да! Точно! И знаешь, что сейчас произошло?! Когда ты благословляла меня, я впервые увидела моего сына! Я увидела, как акушерка кладет его мне на грудь! Представляешь! Я это увидела и была там – в моем будущем в полной радости так, словно сейчас оно уже мое настоящее! Именно как необходимо! Как написано у Рабби Нахмана!

– Надо же, как хорошо получилось! – обрадовалась я.

– Теперь я совершенно спокойна! – восхищенно произнесла Рахель. – Спасибо тебе! Сейчас я Знаю, что рожу сына. Ведь я видела его!

Последним ритуалом этой невообразимой поездки было чтение всей книги Псалмов Давида под аккомпанемент там-тама. Перед началом чтения раббанит Двора объяснила, что магический ритуал целебно подействует на весь наш пред-

стоящий год жизни в Израиле до следующего приезда к Рабби Нахману в Умань. И добавила:

– Кроме того, отдав чтению книги Псалмов Давида ваши души, вы очень устанете и потому будете спать крепким сладким сном и в автобусе до Борисполя, и в самолете, так что вернетесь в Израиль мгновенно, словно на крыльях Всевышнего.

Наш автобус действительно стоял возле синагоги, а чемоданы уже лежали в его багажном отделении, так что это было последним «сумасшествием», которое мне предстояло совершить в моем первом паломничестве к Рабби Нахману. Но я даже представить себе не могла, насколько моя душа будет «упираться» в исполнении этого ритуала!

Я вообще не сильна в музыке и, конечно, прежде не читала никаких книг вслух под музыкальное сопровождение. Тем более древнюю книгу, написанную на высоком иврите. Очень быстро сбилась с ритма и потому катастрофически не успевала читать, теряла слова и целые строки. Да еще прохладный воздух кондиционера не долетал до того места в синагоге, где Двора решила проводить ритуал. Пот струился градом, застилал глаза, превращая ивритские буквы в сплошной черный поток. Я оказалась единственной русскоязычной в группе. Всем остальным женщинам было намного легче, как было бы легко мне читать Псалмы Давида на русском языке.

В какой-то момент я вдруг вообще улетучилась из риту-

ала, потому что увидела себя в образе принцессы Элизы – сестры одиннадцати братьев-лебедей из сказки Андерсена. Как она, изнемогая от нечеловеческого напряжения и усталости, до последней секунды вязала им рубахи из крапивы, убежденная, что это их единственный шанс снова стать людьми. И этот шанс зависит только от нее!

Наверное, я задремала, и мне все это привиделось, потому что теперь, вернувшись из сна, ощутила монотонные звуки тамтама давящим набатом, словно кто-то бил кувалдой по раскаленному железу, безуспешно пытаясь превратить его во что-то полезное. Слова псалмов утопали в гудящем восточном ритме и теряли для меня всякий смысл. Но я упорно смотрела в книгу и вырывала их оттуда, заставляя звучать. Мне казалось, что если я позволю себе бросить выполнение этого последнего ритуала, то ничего не получится, и тогда Раз не женится на мне!

– Достаточно.

Я услышала это слово и одновременно ощутила чью-то руку на моем плече. Подняла глаза и увидела незнакомую женщину в белых одеждах. Возможно, благодаря одежде или добрым светящимся глазам она выглядела необычно, словно ангел.

– Достаточно?! – прошептала я удивленно.

– *«Пророчество возможно только в час радости»*, – сказала женщина, – я цитирую Вавилонский Талмуд. Радость – это и есть главное в учении Рабби Нахмана. Всевышний От-

крывается человеку только в радости. Тебе предстоит освободиться от привычки принуждать себя. Иначе ничего не получится. Как только ты перестанешь принуждать себя и других, никто не будет принуждать тебя. Мир снаружи всегда в точности такой, какой внутри. Пойдем со мной.

Слова женщины звучали убедительно и заставили меня подняться со скамьи. Само ее неожиданное появление показалось чудом. Она увидела мои страдания! Никто не видел. Каждый был занят своими желаниями, а она увидела. Да еще произнесла невероятную вещь – оказывается, мне предстоит освободиться от привычки принуждать себя! И что тогда? Делать только то, что мне хочется?! Такого я даже представить себе не могла!

– Пойдем со мной, – продолжала женщина в белом, – выйдем во двор. Тебе нужно освободиться от требований эго – достичь цели.

Конечно, я понятия не имела, что значит «освободиться от требований эго». Однако слово «освободиться» звучало завораживающе. «Прервусь ненадолго, – подумала я, – книга длинная. Сто пятьдесят псалмов!»

Перед выходом из синагоги в небольшом коридорчике женщина в белом заварила крутым кипятком два стакана нерастворимого черного кофе, и мы направились к деревянному столу, стоящему во дворе, в тени развесистой ивы.

Когда мы уселись за длинный широкий стол, женщина-ангел с наслаждением закурила. Я немедленно последовала ее

примеру и тут же ощутила безграничное освобождение «от требований эго», как выразилась моя новая учительница! Мы словно перенеслись в другую реальность. Реальность никогда никого ни к чему себя не принуждать.

– Идан, – представилась женщина и подала мне руку.

– Вирсавия, – ответила я, ощущая тепло ее ладони, и спросила: – Идан от слова Эден – рай, верно?

– Да, – улыбнулась она.

– Ты точно и есть рай! – восхищенно произнесла я.

– Ты тоже, – убежденно ответила она.

– Я?!

– Каждый человек – это и есть истинный рай. Просто он думает, что рай где-то снаружи, а на самом деле рай внутри него. Вот сейчас тебе хорошо, верно?

– Да!

– Значит, ты находишься в раю, и он всегда с тобой, просто ты не всегда в нем.

Легкий августовский ветерок приносил с собой запах спелой смородины и душистых яблок. Запах завораживал и волновал едва различимыми воспоминаниями раннего детства. Несколько малышей возле дверей в синагогу обливались водой. Дети смеялись и визжали, убегая друг от друга, натыкались на взрослых, и те смеялись вместе с ними. На мгновение вспомнился недавний ад из чернильного потока произносимых мной слов, гудящего набата тамтама и пота, застилающего глаза. Я поразилась, как легко Идан вывела меня

оттуда сюда – в веселый двор, наполненный легким ветерком и шелестом ивы. Неожиданно на мой бумажный стаканчик с кофе приземлилась стрекоза. И я с упоением наблюдала, как она старательно тычется своими ярко-зелеными губами в белую крупинку сахара, прилипшую к краю.

– У тебя точно все сбудется, – убежденно произнесла Идан, когда я отвела взгляд от стрекозы и взглянула на нее.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что ты умудрилась целых две минуты наслаждаться стрекозой, – засмеялась женщина в белом и серьезно добавила. – Я еще не достигла такого рекорда.

– Ты что, действительно следила за временем, когда я смотрела на стрекозу?

– Да.

Мне стало неловко, и я произнесла в свое оправдание:

– На самом деле со мной такое давно не происходило, с детства.

– Какое такое?

– Это ненормально разговаривать с человеком, и вдруг посреди разговора забыть о нем и выставиться на насекомое.

– Вот и я о том же, – ответила Идан, – все, на что тебе указывали в детстве словами «это ненормально», и есть твой истинный рай. Ты находишься у Раби Нахмана только для того, чтобы вспомнить твой рай. Просто вспомнить его.

Мне захотелось объяснить ей, что я нахожусь у Рабби Нахмана только для того, чтобы праведник походатайствовал

перед Всевышним о моей скорейшей свадьбе с Разом, и если бы не это обстоятельство, я бы никогда в жизни не очутилась в столь странном месте, но вместо этого неожиданно для себя спросила:

– Значит... у каждого человека рай выглядит по-разному?

– Выглядит по-разному, но его основа у всех одна и та же.

– Радость! – догадалась я.

– Именно!

– Радость – это и есть рай. Конечно, она может иметь множество оттенков. Радость бывает тихой, спокойной, нежной. А бывает буйной, восторженной, благодарной.

– Откуда ты все это знаешь?

– Впервые я приехала к Раби Нахману семь лет назад и совершенно, как ты, совсем ничего не знала о рае. В тот, мой первый приезд одна женщина...

– В белых одеждах, – засмеялась я.

– В сиреневых, – улыбнулась Идан, – подарила мне книгу Рабби Нахмана «Ликутей могоран» и благословила стать преданной ученицей праведника. Вот тогда и началось самое захватывающее путешествие в моей жизни – путешествие в истинный рай.

– Мне так хочется подольше побыть с тобой, – грустно произнесла я, – но наше посещение Рабби Нахмана закончилось, и мы возвращаемся в Израиль.

Я произнесла это и вдруг поняла, что действительно уже вечером буду дома в Иерусалиме. То есть в своей обычной

обстановке, где никто не делает никаких сумасшедших вещей, не слышит живые голоса мертвых праведников, не спит на их могилах. Мне вдруг стало так грустно, словно меня приняли в невероятный волшебный мир, а теперь выставили за дверь.

– Как же мне быть, когда я вернусь в Израиль? – в отчаянии спросила я Идан и попыталась объяснить причину своих страданий.

– Мне очень хорошо знакомо твое состояние, – ответила она, – только знай, волшебный мир находится не снаружи, а внутри тебя, поэтому совершенно неважно, где ты пребываешь физически. Путешествие к Рабби Нахману открыло тебе дверь в этот мир.

– Но как же можно находиться в нем всегда?

– Привыкнуть слушать свой внутренний голос и отвыкнуть от привычки принуждать себя выполнять то, что не вызывает в твоём сердце радости.

В этот момент я увидела нескольких женщин из нашей группы. Они вышли во двор синагоги. Я поняла, что ритуал завершен. Как странно, когда я находилась там, мне казалось, что книга Псалмов Давида никогда не закончится, а здесь, с Идан, время пролетело мгновенно.

– Мне нужно вернуться к моей группе, – с сожалением произнесла я.

– Несомненно, – улыбнулась она.

– Благослови меня, пожалуйста, как та женщина благосло-

вила тебя семь лет назад!

– Конечно!

Идан возложила ладони на мою голову. Я закрыла глаза. Вначале отчетливо слышала слова, произносимые ею, что создавало приятное ощущение доверия. И вдруг все исчезло. Я не заметила тот пиковый момент, когда это произошло. Я забыла, где нахожусь, забыла о группе, о программе. Все исчезло неожиданно. Меня затопило неземное ликование. Это длилось, может быть, меньше секунды, но ощущалось так мощно, словно я прожила в ликовании целую жизнь.

– В прошлой жизни тебе открылся истинный рай, – произнесла Идан, когда я открыла глаза, – это знание остается с человеком в следующем перевоплощении. В детстве ты помнила его. Потом наступило забвение. Сейчас происходит воспоминание.

– Можно ли ускорить процесс воспоминания моего рая? – спросила я, доставая диктофон, чтобы записать все указания моей неожиданной учительницы, но тут же услышала зычный голос раббанит Дворы.

Она объявляла, что через пять минут наш автобус уезжает в аэропорт.

– Процесс воспоминания рая ускорить очень просто, – улыбнулась Идан.

– Как?!

– Говори со Всевышним, – убежденно ответила она, – говори постоянно. Рассказывай Ему все, что с тобой происхо-

дит, все, что ты чувствуешь. Задавай Ему все твои вопросы. Теперь их будет много. Говори так, словно говоришь с близким другом, который бесконечно любит тебя. Этот способ открылся Рабби Нахману, и он передал его нам в своей книге.

– Как же говорить со Всевышним? Внутри себя?

– Нет! Нет! Вслух. Только вслух. Обязательно вслух. Именно так, как мы сейчас говорим с тобой. Говори постоянно дома, на работе, когда идешь по улице, везде!

– Это же будет выглядеть, словно сумасшествие!

– Ты же только что сожалела, что возвращаешься в обычный мир, где нет места сумасшествиям. А я тебе говорю есть и даю его.

Мне тут же представилось, как я иду по своему солидному учреждению и громко вслух разглагольствую со Всевышним, и я расхохоталась.

– А ты когда-нибудь наблюдала, как израильтяне разговаривают по телефону, когда аппарат где-то в сумке, или в кармане, а человек просто в наушниках? – спросила Идан.

– Да.

– Со стороны такое действительно выглядит как театр сумасшедших! Надев наушники, ты станешь органичной частью этой пьесы. Мы, израильтяне, очень эмоциональные! Кричим, размахиваем руками. Полная свобода эмоций! Вот так нужно говорить со Всевышним! Вслух! Открыто, как с самым близким и преданным другом!

– Буду так говорить! – заверила я Идан, увлеченная ее идеей.

Она крепко обняла меня, и я побежала к автобусу.

Наверное, как выразилась раббанит Двора, моя душа все-таки «отдалась» ритуалу чтения книги Псалмов Давида под тамтам, потому что я действительно крепко спала всю дорогу и в автобусе, и в самолете. Меня разбудили громкие крики «Браво» и бурные продолжительные аплодисменты летчикам, посадившим самолет в аэропорту Бен Гурион. Израильтяне всегда в этот момент восторженно хлопают в ладоши, словно каждый раз потрясены до глубины души, каким же мистическим невероятным образом летчики умудрились вынырнуть из неба и вернуть самолет на Святую землю.

Я едва успела переставить сотовый с режима полета на нормальный режим, как тут же раздался звонок. «Подействовало!!! – пронеслась восторженная мысль. – Моя вторая половина звонит, чтобы сделать мне предложение!» И радостно закричала в маленький микрофончик на груди:

– Привет, любимый!

– Я звоню по поводу квартиры на съем, – услышала в наушниках незнакомый мужской голос.

– Да-да... слушаю, – произнесла я, ощущая жгучее разочарование.

– Вчера твой сын показал нам квартиру. Нас с женой все устраивает. Мы назначили перевозку вещей завтра в восемь утра, поэтому договор нужно подписать сегодня. Когда тебе

удобно?

– Я смогу быть в квартире через три часа.

– Значит, встретимся в девять вечера.

– Хорошо.

Мужчина положил трубку. Я недоуменно смотрела в иллюминатор самолета, наблюдая, как подают трап, и понимала, что должна сейчас просто прыгать от восторга, потому что квартира сдана, и через каких-то три часа я получу двенадцать чеков – квартплату за год! Но восторга не было.

Я не просила Рабби Нахмана о квартире. Будучи человеком целеустремленным, я сразу решила сосредоточиться только на моей скорейшей свадьбе с Разом и больше ничем не морочить голову праведнику. Теперь я убедилась – Рабби Нахман все напутал!

Паника по поводу когнитивных способностей праведника возникла у меня еще в первый день приезда в Умань, как только я увидела на его могиле десятки женщин, просящих Рабби Нахмана походатайствовать перед Всевышним за их желания. А когда мне сообщили, что через месяц, в сентябре, на еврейский Новый год, сюда приедут сотни мужчин со своими желаниями, я совсем отчаялась, подумав о судьбе своего собственного желания! Как праведник сможет его запомнить среди моря остальных?! К счастью, я сразу поделилась своими опасениями с раббанит Дворой.

– А как навигатор общается в одну и ту же секунду с тысячами водителей, указывая каждому из них правильную до-

рогу? – спросила она. – А ведь навигатор всего лишь дело рук человеческих, в отличие от Рабби Нахмана – создания Божественного!

В тот момент это объяснение совершенно успокоило меня, но сейчас волны сомнений снова замутили мое девственное доверие. И вдруг счастливая мысль как чистый родник пролилась в голове: я же могу сама позвонить Разу! Тут же набрала его сотовый и долго слушала звучание длинных гудков. Он и раньше не всегда отвечал на мои звонки, но теперь длинные гудки четко символизировали мне, что праведник действительно перепутал и ходатайствовал перед Всевышним, чтобы я немедленно сдала квартиру, вместо того чтобы ходатайствовать о моем немедленном замужестве с Разом!

Но как он узнал о квартире?! Все мои молитвы были строго направлены только на одно желание: свадьба с Разом! И тут я вспомнила свой сон на надгробии ученика праведника – Рабби Натана! Точнее, конец сна, когда Рабби Нахман сказал мне:

– Я знаю такие вещи и владею такими знаниями, что, если бы начал понемногу открывать что-то из этих знаний, все люди бросили бы все свои занятия, чтобы слушать то, что я рассказываю, и были бы готовы забыть и о самих себе, и о своем существовании ради этой сладости познания, которая открывалась бы им.

– И даже забыли бы, что у них квартира на съем простаивает без новых жильцов? – спросила я.

– У тебя квартира на съём простаивает? – спросил Рабби Нахман.

– Да. Уже десять дней! – сокрушенно ответила я.

Рабби Нахман удостоил меня своей личной аудиенцией, а я несла такую чушь! На самом деле в моей жизни это часто случается – в самый ответственный момент все слова о главном улетучиваются из головы, а вместо них выскакивает какая-то ахинея. «Но ведь то в жизни, а здесь – во сне! Все равно целеустремленный человек так не поступает!» – отчаянно думала я.

– У тебя что-то случилось? – участливо склонилась ко мне стюардесса.

Я подняла голову и только теперь увидела, что сижу одна в кресле самолета, а все пассажиры уже вышли.

– Что-то, чего я не ожидала, случилось. А чего очень жду – не случилось, – объяснила я.

– У меня все время так происходит, – участливо поделилась стюардесса, – я даже думаю, было бы здорово научиться вообще ничего не ждать.

– Жить без надежд?! – ужаснулась я.

– Может, тебе воды принести? – спросила девушка.

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, пойду.

– Да, ты уж пойдешь, пожалуйста, потому что сейчас уборщики появятся салон к следующему полету готовить.

Через два с половиной часа я поднималась по узким грязным ступеням в мою квартиру, чтобы встретиться с новыми

жильцами и подписать договор на аренду. «Скорее бы все это пройти и оказаться на пятом этаже – последнем», – думала я. Лифта в доме нет. Да он бы тут ни за что не поместился.

Наконец открыла дверь в «источник моего регулярного дохода», включила свет и сразу увидела на журнальном столике два экземпляра договора и записку от сына.

На самом деле он сам мог подписать договор на аренду. У него есть моя доверенность на квартиру и вообще на все. Я ему полностью доверяю с момента его рождения. Просто сын знает, как я люблю подписывать этот договор. Такое редко в жизни бывает, когда точно знаешь место и час исполнения желания. Идешь в квартиру и понимаешь – вот сейчас исполнится твое желание. Как теперь, например, через двадцать минут – в девять вечера. Приходишь, и желание исполняется прямо на твоих глазах! А ты находишься непосредственно в самом процессе исполнения! Записка сына была чудесной частью этого захватывающего действия. Я смотрела на нее и предвкушала наслаждение от чтения.

В России до отъезда в Израиль сын успел окончить первый класс, поэтому его почерк остался детским, почти как у первоклассника. Через полгода после нашего переезда на историческую родину, когда наш словарный запас на иврите приобрел достаточное, как мне казалось, количество слов, я сказала сыну, что дома мы тоже будем говорить на иврите. Мне очень хотелось побыстрее стать настоящей израильской. Но сын ответил, что со мной он будет всегда гово-

речь только по-русски, потому что для него так естественно, и остался верен своим словам.

Еще одно чудо произошло, когда сына призвали в армию обороны Израиля. Там он вдруг невероятно увлекся чтением русской классической литературы. Я даже представить себе не могла, что, прожив двадцать лет в Израиле, буду взахлеб обсуждать с сыном «Крейцерову сонату» Толстого и «Первую любовь» Тургенева, прочитанных им на русском языке. И как чудесное следствие этого у нас вдруг появилась новая игра. Однажды сын подмигнул мне и заговорил так, словно живет в России в девятнадцатом веке. Это прозвучало невероятно трогательно, упоительно и очень весело.

– Жаль, что теперь так не говорят в России, – сказала я.

– Но мы же не в России, – ответил сын.

И иногда употреблял этот прекрасный язык, особенно в своих письменных посланиях ко мне. Я взяла со стола записку, написанную почерком первоклассника, и прочла:

«Третьего дня княжна Милославская в доверительной беседе открылась мне, что несколько графинь вернулись от Рабби Нахмана в особом состоянии «немного не от мира сего». Учитывая сие обстоятельство и взяв во внимание, что Вы, дорогая матушка, такой уже изволили к нему отправиться, я счел наилучшим для Вас составить список того, что Вам надобно взять в залог у новых жильцов помимо чеков за уплату аренды квартиры. Стоимость аренды увеличена на пятьсот шекелей в месяц. Это Вам, маменька, мой сюрприз.

PS: Я люблю тебя такой, какая ты есть. Встретимся завтра, чтобы вместе поесть».

Далее следовал список, что нужно взять у жильцов. Смех и слезы счастья охватили меня одновременно. Я выбежала на маленький балкончик и прошептала в огромное синее небо.

– Спасибо тебе, Рабби Нахман! Ничего ты не напутал! Я бы ни за что не решилась поднять квартплату даже на сто шекелей за эту квартирку в тридцать квадратных метров на последнем этаже без лифта и никаких жильцов не смогла бы убедить! По сравнению с этим Твоим достижением убедить Раза жениться на мне сущая ерунда! Не беспокойся, я сама его убедю! Убежду!

Слово никак не складывалось, и я снова расхохоталась, осознав наконец, какой прекрасный подарок получила от праведника, даже не успев спуститься по трапу самолета. В восторге запрыгала по квартире и вдруг увидела молитвенник. Он лежал на газовой плите, там, где я бросила его, когда торопилась успеть к сыну, прежде чем поеду в аэропорт, чтобы отправиться к Рабби Нахману. И слова Маэстро Давида мгновенно всплыли в моей памяти:

«Хочешь быстро сдать квартиру – сделай в ней семь кругов с молитвой «Воскурение благовоний в Храме».

Вот это да! Я же совсем забыла, что перед отъездом обошла всю квартиру кругами семь раз, читая эту молитву! Значит, Рабби Нахман тут ни при чем! Помогло другое волшеб-

ство — молитва подействовала! Следовательно, праведник не заменял одно другим и действительно ходатайствует перед Всевышним о моем желании выйти замуж за мою вторую половину! Я с благоговением открыла молитвенник и торжественно прочла: *«И будет воскурять на нем Аарон ароматные благовония. Каждое утро, когда заправляет светильники, пусть совершает воскурение. И когда Аарон возжигает светильники под вечер, пусть совершает воскурение, воскурение постоянное перед Господом, заповеданное всем поколениям вашим»*. В этот момент раздался звонок, и я открыла дверь моим новым жильцам.

А на следующий день в девять часов вечера я сидела за большим кухонным столом в доме сына и его друзей. Они серьезно занимались каким-то индусским учением и потому не ели ни рыбу, ни мясо. На ужин парни приготовили изумительное песто из базилика, пармезана и кедровых орешков, сварили чечевичный суп и испекли ржаной хлеб. Кроме песто, все остальное было какого-то загадочного вкуса. Однако сама мысль, что сын и его друзья пригласили меня на ужин, вызывала такой восторг и благоговение, что меню не играло особой роли.

После ужина мы вышли с сыном посидеть возле дома под деревом тутового шелкопряда, где в прошлый раз танцевали мушки, и я рассказала ему о Раде. Это удивительно, но я почему-то открыла сыну самое больное. То, что не сказала никому и даже от себя самой старательно прятала.

– Когда я была у Раза во вторую – последнюю ночь, он сказал мне, что я сутулая, косо держу голову, и живот выдается вперед и что у меня лишние килограммы. Он сказал по-доброму, деликатно, мимолетно, но я жутко расстроилась.

Однако, к моему невероятному удивлению, сын увидел эти замечания совершенно в другом свете. И зная, как веселит меня его театральная речь из девятнадцатого века, произнес:

– Как же можно так сокрушаться попусту, дорогая маменька! Этот благородный князь, несомненно, полюбил вас. Поразмыслите сами, если бы он увидал в вас лишь мимолетную утеху на одну ночь, разве стал бы указывать вам на ваши недостатки? Разве возникла бы у него такая надобность?

Я сразу ощутила, что сын прав! И все же не могла понять, почему Раз сказал мне такие гадости! И спросила сына:

– Зачем же у благородного князя возникла такая надобность?

– Если бы ты действительно слушала своего возлюбленного, то сама поняла бы его, и тебе не пришлось бы страдать целый месяц!

– Я слушала его...

– Слушала и не слышала. Он же сразу тебе все открыл! Одной фразой «Я узнаю тебя, когда ты узнаешь себя». А ты разозлилась и потому ничего не услышала.

– Кажется, я опять начинаю злиться.

– Почему?

– Потому что это бред! Младенец не может знать себя. Но женщина почти пятидесяти лет?!

– Хорошо, – улыбнулся сын, – ты себя знаешь. Тогда скажи, кто ты?

– Твоя любимая маменька!

– Верно. А еще кто?

– PR-менеджер в солидном учреждении.

– Хорошо. Кто еще?

– Почти магистр в области Библии и еврейского воспитания.

– Отлично. Кто еще?

– Владелица квартиры в престижном квартале Иерусалима! – с наслаждением вспомнила я свое вчерашнее пребывание в процессе исполнения желания. – Спасибо тебе!

– А теперь подумай, не кто ты сейчас, а кем можешь стать, в свете замечаний Раза о сутулости и лишних килограммах? Может быть, есть та, которую ты еще не узнала? Кто она?

– Балерина! – рассмеялась я.

– Именно! – неожиданно серьезно ответил сын.

– Ага! Я не знаю себя, потому что на самом деле являюсь балериной. И вот, когда я узнаю в себе балерину, Раз меня узнает! – продолжала я веселиться, не обращая внимание на серьезность сына.

Он подождал, пока я насмеюсь вволю, и когда тишина ночи вновь окутала нас, проникновенно произнес:

– Он увидел в тебе потенциал. И ему стало больно, что ты

прожила полжизни и не открыла его.

– Больно?

– Конечно. Словно ты владеешь дворцом, а живешь на его ступеньках, потому что не знаешь, что весь дворец – твой.

– Какой же потенциал Раз увидел во мне?

– Совсем не обязательно становиться балериной. Ты можешь просто заняться спортом. Рядом с твоим домом есть отличный спортзал.

– Какая проза после дворца! – разочарованно произнесла я.

– Проза?! Да это самая высокая поэзия, восторг и наслаждение! И я всю жизнь не могу понять, почему ты навсегда закрыла для себя такую прекрасную часть человеческого бытия! Закрыла, даже не открыв!

Он произнес это с такой болью, что у меня сердце защемило, и сразу захотелось расплакаться. Сын увидел это.

– Хочешь реветь – реви, – сказал он, – лучше пореви здесь со мной, чем у себя дома одна.

– В детстве я была такая неуклюжая... неловкая... мячик летит, то есть давно уже приземлился где-то, а я его только что увидела.

– Мне легко представить тебя в детстве, – улыбнулся сын.

– Почему?

Он ничего не ответил. Только поставил свой табурет рядом с моим и обнял меня за плечи. Сын очень редко обнимал меня. Тут уж я сразу расплакалась.

– Ничего не изменилось с детства, – всхлипывала на его плече, вновь ощущая жгучую обиду тех несчастных лет, – мама мне внушила, что девочке вообще спорт не нужен. Только мальчикам он необходим.

– Почему только мальчикам? – удивился сын.

– Потому что мужчине нужно быть крепким и выносливым, чтобы жену на руках носить, мебель в доме передвигать, ходить за водой с коромыслом, дрова рубить.

– На самом деле все это звучит для меня очень знакомо! Хотя непонятно почему. И откуда вообще взялись коромысло и дрова?

– Когда я была маленькой, мы жили в частном доме с печкой.

– Жену на руках носить и мебель передвигать. Очень убедительная концепция, – произнес сын.

Мы расхохотались. А я смеялась и думала, как же это может быть? Я столько лет верила в мамины слова, а когда произнесла их вслух, они оказались такими смешными! И вдруг ощутила, что даже после нашего хохота моя убежденность в том, что девочкам спорт не нужен, осталась незыблемой. И сказала об этом сыну.

– Твоя бабушка лишила меня спорта – такой прекрасной части человеческого бытия.

– Не злись на маму, – ответил он, – в тот момент ей удалось помочь тебе. Ты ведь страдала из-за того, что не можешь быть ловкой и быстрой, как другие дети, а мама тебя

убедила, что девочке это вообще не нужно. И ты успокоилась. Не сердись на мою бабушку. Мне это неприятно.

Я задумалась, размышляя, помогло ли мне мамино внушение в детстве, и вдруг меня осенило!

– Я поняла наконец, почему оставила твоего папу! Он-то действительно благородный князь! И я никогда никому и даже себе самой не могла ответить на вопрос, что в нем не так? А сейчас поняла. Твоя бабушка сформировала во мне образ мужа! То есть то главное, что он должен делать, – носить жену на руках. А твой папа...

Сын сразу помрачнел. Я развелась с его отцом, когда сыну было семь лет. Мы с сыном любили его папу, как младшего брата. Конечно, это звучит странно, но нам всегда очень хотелось помочь ему, хотя мы не могли. А совсем недавно сын признался мне, что долгие годы верил, что мы снова будем жить втроем. И даже ходил к Стене Плача молиться за это. Мне опять захотелось плакать, и чтобы не делать этого, я сказала ехидно:

– Не злись на мою маму. Мне это неприятно.

– Раз соответствует образу, созданному в тебе моей бабушкой? – спросил сын.

– Еще как! Он же в море плавает каждый день! – ответила я.

– В таком случае я бы на твоём месте немедленно помчался в спортзал.

– Почему?

– Потому что он пловец. А чтобы таскать на руках такую достаточно упитанную жену, как ты, нужно быть штангистом. Пловец и штангист – это совершенно разные виды спорта. Вот Раз и намекнул тебе о лишних килограммах.

– Да ведь я и сама тогда не знала о моем образе мужа!

– А теперь узнала, так что помоги своей второй половине соответствовать образу.

Мы снова рассмеялись, а потом сын вдруг сказал совершенно серьезно:

– Я буду глубоко признателен Разу, если он действительно сможет разморозить в тебе ледяную глыбу пренебрежения к физической активности. Доверься ему.

– Что значит доверься?

– Доверься полностью.

– Как?

– Как мне.

– Ты сын. Я тебя с раннего детства знаю.

– И даже раньше, – улыбнулся он.

– Да, точно.

– Но, если ты убеждена, что Раз – твоя вторая половина, значит, его тоже ты знала еще до рождения.

– Как это?

– Ты знала его на небе или еще где-то раньше. Это невозможно объяснить, но ты понимаешь, о чем я говорю.

Конечно, я понимала.

– Ты действительно веришь, что он твоя вторая полови-

на? – вдруг произнес сын, требовательно глядя мне в глаза.

И я сразу почувствовала себя у Рабби Нахмана. Ночью во время празднования Дня Любви там в центре синагоги сидела женщина с большим чемоданом, наполненным платьями для невест разных комплекций. Она задала мне тот же вопрос:

– Ты действительно веришь, что Раз твоя вторая половина?

И так же, как сын, требовательно заглянула в глаза.

– Конечно, Раз моя вторая половина! – ответила я.

– Тогда надевай платье невесты и танцуй в радости, словно ты сейчас на вашей с ним свадьбе. Сейчас, в этот самый момент.

Я рассказала сыну, как упоительно кружилась с Разом в танце под песню, которую она мне включила.

– А какую песню она тебе включила? – спросил сын.

– Музыка, написанная на слова из учения Рабби Нахмана.

– Как она звучит?

– Песня из одной фразы: *«Весь мир – это узкий мост. И главное – ничего не бояться!»*

– Доверься Разу и ничего не бойся. Это легко. Ты ведь уже доверилась, когда танцевала вокруг этой тетki с чемоданом платьев для невест. Просто вспомни, как это было.

Сын сказал это и пошел в дом. А я с наслаждением смотрела, как удаляется его грациозный силуэт. В отличие от меня он обожает спорт. Участвует в марафонах, отлично пла-

вает и играет в баскетбол. Как же так получилось? Как? Я ведь точно не приобщала его к спорту. И его папа был совсем не спортивный. И тут меня осенило! Очевидно, его бабушка, моя мама, принимавшая активную роль в его воспитании, убежденно внушала внуку те же слова, что и мне про жену и мебель!

Я взяла сотовый и набрала заветный номер телефона. На этот раз Раз сразу ответил.

– Как дела, Вирсавия? – спросил он.

– Очень хорошо! Я поняла, как ты можешь узнать меня!

– Как? – спросил, немного помедлив.

– Мне нужно избавиться от лишних килограммов и сутулости. Тогда я буду выглядеть совершенно иначе, и ты узнаешь меня! Рядом с моим домом есть спортивный зал, но мне никогда не приходило в голову туда зайти. Я вообще неспортивная. Сутулая с детства. А нистагм врожденный, поэтому у меня слева все скачет.

– Скачет? – удивился Раз.

– Слева весь мир скачет, – ответила я, не понимая его непонимания.

Ведь я родилась с этим и не знала ничего иного.

– Весь мир скачет, – повторил Раз медленно.

И я осознала нелепость этой фразы.

– В смысле весь мир стоит на месте, конечно, но когда я держу голову ровно, как все люди, мой левый глаз движется в разные стороны, не может остановиться, и тогда мне кажется,

ся, что в разные стороны движется не глаз, а все, на что я смотрю. А когда я держу голову криво, то глаз не дергается, и все, на что я смотрю, стоит на месте.

– А как ты узнала, что держишь голову криво? – спросил Раз.

– Родители увидели. Они сначала думали, что у меня шея не в порядке, и водили к ортопеду. А когда мне исполнилось три года, мы поехали в Киев к богатым родственникам, и подруга моей киевской тети – известный педиатр сразу сказала, что проблема не в шее, а в глазах.

– Если бы тебе никто никогда не сказал, что ты держишь голову неправильно, то ты сама считала бы, что с тобой все в порядке. Ты держишь голову повернутой вправо, потому что твои глаза нашли ту оптимальную позицию, где мир перестает скакать в разные стороны, как ты выразилась, и становится неподвижным. Это большая удача, Вирсавия.

Я была потрясена. Никто никогда не говорил мне, что держать голову косо – это большая удача!

– На земле живут тысячи людей с нистагмом, глаза которых не смогли найти той оптимальной точки, где дрожание прекращается, – продолжил Раз, – а твои глаза нашли эту позицию. Какая разница, как выглядит твоя голова внешне: криво или ровно. Главное, ты можешь видеть устойчивый мир. Понимаешь?

– Знаешь, я много страдала из-за этого в детстве, потому что дети смеялись надо мной. Вот и ты мне сказал, что я

держу голову косо.

– Я сказал, потому что мне было важно узнать, как ты сама относишься к этому.

– Значит... лично тебе это не мешает?

– Мне? Конечно, нет. Если бы тебе самой не мешали су-тулость, живот и лишние килограммы, то я бы не сказал тебе об этом.

– Может, тебе вообще безразлично, как я выгляжу?! – ужаснулась я.

– Я вижу тебя иначе, чем видят другие люди.

– Иначе?

– Да.

– Что значит иначе?

– Не снаружи. Я вижу тебя изнутри. Я ощущаю твои внутренние переживания о себе самой.

Странно. У меня не было никаких внутренних переживаний о себе самой. А у него были. Он ощущал какие-то мои внутренние переживания о себе самой. О! Похоже, сын прав! Благородный князь действительно переживает за меня! Тогда пусть занимается со мной! Пусть вкладывает в меня силы и время. В голове тут же вспыхнула нетленная фраза «Все, во что мужчина вкладывает силы и время, становится его любимым»! Я вычитала ее в «Руководстве для женщины, желающей приворожить любимого мужчину». Это было второе название брошюры, написанное на ее обложке мелким шрифтом. Крупными буквами красовалось первое название «Пу-

теводитель для стервы». «Руководство» продавалось в газетном киоске в Борисполе. Я шла за раббанит Дворой и увидела его. Отстала от группы, рискуя потеряться по дороге к нашему автобусу в Умань, но все-таки купила такую ценную вещь.

И я сообщила Разу, что хочу заняться спортом. К моему великому удивлению, он очень серьезно воспринял эту идею. Намного серьезнее, чем я сама. Беседа о моих предстоящих занятиях спортом оказалась самой продолжительной и содержательной за все время после нашего знакомства.

В какой-то момент сын вернулся. Он сразу понял, что я говорю со своей второй половиной, и грациозным жестом изобразил огромное сердце, не выронив высокий стакан с чаем и блюдечко с медом. Поставил все это передо мной на столик и произнес сочным баритоном, в точности как в постановках из архива Гостелерадио:

– Дорогая маменька, как же вы расточительны к вашему драгоценному здоровью! Так и простудиться недолго!

Набросил мне на плечи какую-то куцую розовую курточку, наверняка забытую одной из студенток, кружившихся в его гостеприимном доме, и продолжил:

– Эту крепжоржетовую шаль мне намерен преподнести в подарок горячо любимая мной Елизавета Петровна, чтобы я кутался в нее долгими зимними ночами.

– Кутался в Елизавету Петровну?!

– Отличная идея! Благодарю! – сказал сын и скрылся в

доме.

Я расхохоталась и перевела Разу наш высокохудожественный диалог с сыном, ожидая, что он тоже рассмеется. Но вместо смеха последовала долгая пауза. Мне даже показалось, что прервалась связь, как вдруг Раз серьезно произнес:

– Кутаться в любимую женщину долгими зимними ночами – один из самых красивых поэтических образов, который я слышал в своей жизни.

Теперь инициатором паузы стала я. *«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»*, – вспыхнули в памяти слова Тютчева. Они просто преследовали меня в первые годы жизни в Израиле, когда я пыталась переводить кому-то что-то с русского на иврит. Однако с тех пор мой иврит значительно улучшился, и я забыла о Тютчеве. Теперь писатель вновь напомнил о себе.

– Действительно, очень красивый образ, – искренне согласилась я, вдруг увидев его без всякого контекста.

И мы снова вернулись к спорту. Выяснилось, что Раз работал инструктором по подводному плаванию и потому хорошо знает человеческий организм. Он составил мне программу спортивных занятий и пообещал каждый день снабжать лучшими рецептами деликатесов средиземноморской кухни, чтобы я перешла на правильное питание и постепенно полностью отказалась от употребления мяса, заменив его рыбой.

– Получается, что ты будешь моим личным тренером? –

спросила я восторженно.

– Да, – согласился Раз, – в соответствии с твоим ростом и возрастом у тебя есть всего десять лишних килограммов. Ты легко сбросишь их, если будешь регулярно, три раза в неделю, ходить в спортзал и правильно питаться.

Слово «возраст» мне не понравилось, но я решила не обращать на него внимания, только спросила, сколько времени потребуется на сбрасывание десяти килограммов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.